

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Кейер Денис Валерьевич

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ**

Специальность 10.02.14 –
Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2009

Диссертация выполнена на кафедре классической филологии
Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Гаврилов Александр Константинович
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Подосинов Александр Васильевич
Институт всеобщей истории РАН

кандидат филологических наук, доцент

Казанскене Ванда Пятровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится 16 декабря 2009 г. в 17:30 на заседании совета Д.212.232.23 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11, в ауд. 191.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького при Санкт-Петербургском государственном университете.

Автореферат разослан « » 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

К. А. Филиппов

Проблемы толкования относительных и пространственных терминов во многом обусловлены их дейктической природой: точное описание их референциального значения подразумевает определенную систему координат, которая не входит в арсенал обычной лексикографии и классической филологии. Поэтому двусмысленность соответствующих лексем нередко ускользает от внимания исследователей; не стало исключением в этом плане и изучение гомеровской лексики.

Между тем уточнение значения относительных пространственных и временных терминов и наблюдения над лежащими в их основе семантическими моделями иногда важны для вопросов, связанных с историей языка и культуры (роль правого и левого в разных обрядах и обычаях, восприятие и выражение в языке относительных пространственных и временных категорий). Вопросы филологии и семасиологии оказываются неразрывно связаны с проблемами культурной истории и исторической антропологии, так что исследование неизбежно принимает междисциплинарный характер, обеспечивающий *актуальность* избранной темы.

Целью диссертации является комплексное рассмотрение проблем, связанных с толкованием относительных пространственных и временных терминов в гомеровском эпосе; к *задачам* исследования относятся выявление контекстов, в которых эти слова допускают двойное толкование; критическое изучение высказанных в науке мнений по каждому вопросу; оценка аргументов в пользу того или иного понимания; и, наконец, описание семантических моделей, в которых может реализовываться референциальное значение изучаемых лексических единиц.

Материалом для работы послужили тексты гомеровских поэм. При этом описание смысловых моделей для выражения пространственных и временных оппозиций иногда распространяется на древнегреческий язык послегомеровской эпохи, а также на латинский и ряд других языков. *Предмет* диссертационного исследования составляет древнегреческая лексика, выражающая относительные пространственные и временные понятия: 'переднее' и 'заднее', 'правое' и 'левое', 'прошлое (предыдущее)' и 'будущее (последующее)'. *Объектом* исследования являются спорные вопросы, связанные с интерпретацией этих терминов.

Метод работы. Разбирая спорные вопросы толкования исследуемых в диссертации лексических единиц, автор использует традиционный инструментарий классической филологии. При описании и анализе референциального значения исследуемых лексем используются достижения когнитивной лингвистики, связанные с изучением дейктических категорий.

Научная новизна исследования обусловлена сложностью интерпретации относительных пространственных и временных терминов в древнегреческом языке: проблемы их толкования не получили достаточного освещения в научной традиции. В диссертации осуществляется подробный и дифференцированный анализ соответствующих проблем интерпретации, а в ряде случаев для спорных пассажей предлагаются новые толкования.

Теоретическая ценность исследования состоит в том, что для лексикографического описания относительных пространственных и временных терминов в древнегреческом языке и для обсуждения проблем, связанных с их толкованием, автор использует не применявшийся ранее в классической филологии подход

к изучению дейктических терминов, разработанный в рамках когнитивной лингвистики.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что ее выводы могут быть использованы при комментировании гомеровских поэм на семинарских занятиях, в курсе исторической лексикологии древнегреческого языка и в лекциях по истории религии.

Положения, выносимые на защиту:

1) Мнение о том, что древние греки представляли себе будущее у себя за спиной, восходит к истории толкования гомеровского выражения «(смотреть) πρὸςσω καὶ ὀπίσσω» и основано на ошибочной реконструкции развития значения греч. ὀπίσσω ('сзади'; 'в будущем').

2) В основе противоположных семантических моделей для выражения пространственно-временных оппозиций в разных языках ({а} 'впереди' = 'в прошлом', 'сзади' = 'в будущем'; {б} 'впереди' = 'в будущем', 'сзади' = 'в прошлом') лежат не различия в восприятии времени, а пространственные модели с разной системой координат (внутренней и относительной).

3) Гипотеза об ориентации греческого птицегадателя лицом на север опирается на спорное толкование пассажа *Ил.* XII, 239–240 и не находит себе надежного подтверждения в других текстах,

4) Теорию о том, что восток мог называться у греков 'правой' (т.е. 'благоприятной') стороной, также следует считать недостаточно обоснованной.

5) Предположение о влиянии солярного культа на древнегреческие обряды и обычаи, связанные с круговым движением, опирается на произвольное толкование термина ἐπὶ δεξιᾶ ('вправо') как 'по ходу солнца (по часовой стрелке)'. В большинстве контекстов этот термин применительно к движению по кругу подразумевал, наоборот, движение против часовой стрелки, обратное ходу солнца.

Апробация исследования. Основные положения диссертации излагались в ряде докладов, прочитанных на XXXIII, XXXVI, XXXVII и XXXVIII международных филологических конференциях (Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2004, 2007, 2008 и 2009 гг.), на конференции «Colloquium Balticum VI» в Грейфсвальде, а также на заседаниях аспирантского семинара и кафедры классической филологии СПбГУ (2003–2006 гг.).

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из Введения, четырех глав и Заключения; к диссертации прилагается список сокращений и список использованной литературы.

Во **Введении** формулируются предмет и задачи исследования, коротко перечисляются и характеризуются основные лексикографические пособия, комментарии и издания, на которые опирался автор, а также ключевые научные работы по отдельным вопросам, обсуждаемым в диссертации. Отсутствие монографий, полностью покрывающих тему исследования, объясняется пестротой и разнородностью проблем, которые необходимо поставить и решать, исследуя относительные пространственные и временные термины в литературных памятниках.

Теоретической базой для изучения относительной пространственно-временной лексики (глава 1) в первую очередь послужила монография С. Левинсона «Space

in Language and Cognition» (2003), посвященная концептуализации пространственных отношений в языках разных народов.

Для большинства затрагиваемых в диссертации вопросов существенным оказывается капитальный труд А.В. Подосинова «Ex oriente lux!» (1999), содержащий обзор научной литературы, посвященной изучению ориентации в культурах разных народов, в т. ч. древних греков и римлян; эта работа отличается широким охватом исследования и осторожностью при формулировании выводов.

Для рассматриваемого в диссертации представления об особенном восприятии времени у древних греков принципиальное значение имеет превосходная статья Й. Пальма (Annales Acad. Reg. Scient. Upsaliensis. 1969. Vol. 13. P. 5–13).

Важнейшей работой, посвященной проблемам правого и левого в гомеровском эпосе и их роли в античной культуре остается книга Ж. Кюйандра «La droite et la gauche dans les poèmes homériques» (1944), сочетающая обстоятельность в анализе отдельных гомеровских пассажей с чрезмерной увлеченностью общими концепциями в сфере сравнительного изучения ритуальной практики разных народов.

Для вопросов, с которыми сталкивается исследователь птицегадания в античности, наибольшее значение сохраняет цикл публикаций Й. Валетона, большей частью посвященный изучению римских обрядов (Mnemosyne. 1889. Vol. 17. P. 275–325; 418–452; etc); во многом именно усилиями Валетона эта тема выросла в самостоятельную научную дисциплину. Из-за малого количества свидетельств степень изученности соответствующих греческих обрядов приходится признать недостаточной.

Наконец, для толкования древнегреческих терминов правого и левого применительно к движению по кругу ключевыми являются исследования Элис Бронлич (American Journal of Philology. 1936. Vol. 57. P. 245–260) и Г. Дарбишира (Reliquiae Philologicae. Cambridge, 1895. P. 66–87).

Первая глава «ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ТЕРМИНЫ КАК ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» содержит теоретический экскурс, призванный раскрыть базовые принципы описания относительных пространственных и временных отношений в языках разных народов, вводя в обиход необходимую терминологию.

§ 1. Лексика, являющаяся предметом данного исследования, входит в т.н. «указательное поле языка», или *дейксис* (термин К. Бюлера): так же, как некоторые наречия места и времени (e.g., *недавно* или *тут*), указательные и личные местоимения и наречия, она всегда подразумевает некий субъективный и изменчивый центр координат (*origo*), который можно охарактеризовать как «я, здесь и сейчас».

§ 2. Кроме этого центра координат (*origo*), который обычно представлен неким наблюдателем или рассказчиком, участниками пространственной ситуации являются *locatum* (предмет, каким-либо образом локализуемый во времени или пространстве) и *relatum* (предмет, по отношению к которому описывается расположение *locatum* в пространстве или времени).

§ 3. Наконец, кроме элементов пространственной ситуации — *origo*, *relatum* и *locatum* — важно различать возможные разновидности системы координат: *внутреннюю*, *относительную* и *абсолютную*.

При *внутренней* системе координат положение *locatum* описывается с точки зрения ориентированного определенным образом *relatum*, а расположение и пространственная ориентация рассказчика или наблюдателя (*origo*) значения не имеет. В качестве *relatum* в этом случае выступает предмет, имеющий определенную ориентацию в пространстве: переднюю и заднюю часть, правую и левую стороны — например, автомобиль или собор, но не дерево или афишная тумба.

Для *относительной* системы координат, наоборот, существенно расположение *origo* в пространстве — т. е. где стоит рассказчик или наблюдатель, куда он обращен лицом, где его правая и левая сторона и т.д.

Наконец, *абсолютная* система характеризуется неизменной системой координат, которая не зависит от расположения наблюдателя в данный момент времени (ориентация по сторонам света, расположение «вверх / вниз» по течению реки).

Разными системами координат часто обусловлена неудобная для лексикографической фиксации двусмысленность: так, «перед автомобилем» при внутренней системе координат будет означать ‘рядом с передним бампером (независимо от позиции наблюдателя)’, а при относительной — ‘между автомобилем и наблюдателем’ (в этом случае машина будет ориентироваться ‘лицом’ к наблюдателю, от позиции которого будет зависеть описание).

§ 4. Внутреннюю и относительную систему координат отличает своеобразный антропоморфизм: *relatum* получает ориентацию в пространстве по образу и подобию человека, причем в относительной системе координат неподвижные и нефронтальные предметы наделяются лицевой и задней сторонами в зависимости от позиции наблюдателя (*origo*), ‘лицом’ к нему (е. г., «перед деревом»).

§ 5. В ряде языков встречаются поучительные отступления от привычных для нас способов описания пространственных отношений. В тамильском языке и языке гауса они касаются функционирования относительной системы координат. Правое и левое описываются в тамильском с точки зрения ориентированного лицом к наблюдателю *relatum* (так же, как переднее и заднее): «справа от дерева» означает в этом случае ‘справа с точки зрения самого дерева (которое обращено лицом к нам)’ — в известных нам языках это соответствует выражению «слева от дерева».

В языке гауса лишенное естественной ориентации *relatum* мыслится как обращенное не лицом, а спиной к наблюдателю (вероятно, по аналогии с ориентацией самого наблюдателя); выражение «перед деревом» соответствует на языке гауса нашему «за деревом» (‘перед деревом, которое обращено к нам спиной’, т. е. ‘дальше от нас, чем дерево’) и наоборот.

§ 6. Если в тамильском и гауса относительная система координат функционирует иначе, чем у нас, то носители языков гуугу-йимитхирр (часть австралийских аборигенов), цельталь (индейцы из семьи майя) и хайльом (представители койсанской семьи языков, живущие в Намибии) вообще не знают противопоставления правого и левого. Аборигены гуугу-йимитхирр используют только абсолютную систему координат, в любой момент ориентируясь по сторонам света, а в языках цельталь и хайльом развиты лексические средства для выражения геометрических характеристик предметов и их частей, что позволяет широко использовать *внутреннюю* систему координат, иногда заменяемую абсолютной.

В § 7–8 обсуждается соотношение пространственного и временного значения у изучаемых лексем. Автор исходит из того, что значение слова развивается от конкретного к более абстрактному и, значит, пространственное значение является этимологически первичным по отношению к временному. Здесь же высказывается отрицательное отношение к концепции Б.Л. Уорфа и термину «пространственно-временной континуум»; упоминается, что современные исследования опровергают утверждения Уорфа об отсутствии временных терминов и категории времени у глагола в языке индейцев хопи.

§ 9. Поскольку описание пространственных отношений играет определяющую роль в образовании относительных временных терминов, при исследовании соответствующих пространственных моделей важно четко различать *origo*, *relatum* и *locatum* и ясно представлять себе используемую систему координат.

Вторая глава «ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ТЕРМИНЫ С ВРЕМЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ»

§ 1. Пространственным значением ‘впереди’, ‘передний’ и т.п. у Гомера обладают наречия и прилагательные от про- и πάρος: πρό, πρόσθε(ν), πρόσσω, πρώτος, πρότερος, προτέρω, (προ)παροίθεν, παροίτερος, παροίτατος. Большинство их могут иметь и временное значение: ‘прежде, раньше’.

Некоторые композиты с про- имеют, напротив, только временное значение: πρίν (‘прежде ч-л.’), προϊ (‘рано, до срока’ или ‘в раннее время суток’, ср. нем. *früh*), πρόην (‘третьего дня’; ‘недавно’; ср. русск. *давеча*), πρόιον (‘утром’ или ‘рано’). Πάρος, в отличие от (προ)παροίθεν, также употребляется у Гомера только во временном значении.

В отличие от лат. *ante* (ср. *antea*, *antiquus*), у греческих композитов с приставкой ἀντι- (е. г., эп. ἄντα, ἄντην) не развивается временное значение ‘прежде’ и сохраняется семантика, предполагающая, в отличие от про-, идею взаимной ориентированности двух объектов лицом к лицу:

Пространственное значение ‘сзади’, ‘задний’ вместе с временным ‘позже, потом’ имеют у Гомера композиты с приставкой ἐπι- (с огласовкой -о-): ἐπι(σ)θεν, μετόπισθεν, κατόπισθεν, κατόπιν, ὀπίσσω, а также ὕστερος (ὕστερον) и πύματος (πύματος).

§ 2. Основная часть второй главы посвящена анализу популярного в научном обиходе мнения об особенном восприятии времени древними греками, которые, в отличие от нас, будто бы представляли себе прошлое перед собой, а будущее — у себя за спиной (так LSJ s. v. ὀπίσσω, М. Трой, У. Стэнфорд, И. Бехерт, В. Вердениус, Б. Нокс, Ю.С. Степанов и др).

Исходя из пространственного и временного значения ὀπίσσω / ὀπισθεν (‘сзади’ и ‘в будущем’), для т.н. «картины мира» греков предполагают ориентированность ‘лицом к прошлому’ и, соответственно, ‘спиной к будущему’, что иногда объясняют «незримостью» будущего, а иногда ценностной «ориентацией»: особым

расположением греков к традициям предков. Для объяснения узких фактов языка привлекается, таким образом, построенная ad hoc культурологическая теория в области психологии народов.

§ 3. Аналогичная «ориентированность в прошлое», иллюстрируемая совпадением слов со значениями ‘передний; прошлый’ и ‘задний; будущий’, нередко постулируется и в научной литературе, посвященной другим культурам. Почти то же самое можно прочесть о древних иудеях, шумерах и вавилонянах, китайцах, а также об экзотических американских и австронезийских народах (языки тоба, тохолабальский, кечуа и аймара, малагасийский и маори).

§ 4. На самом деле для выражения временных отношений в самых разных языках мира засвидетельствованы две семантические модели:

(а) ‘впереди’ = ‘раньше (в прошлом)’, ‘сзади’ = ‘позже (в будущем)’ (греч. πρό, (προ)πάρωθεν, πρῶτος, (ἔμ)πρόσθεν vs. ὀπί(σ)θεν, μετόπισθεν, κατόπισθεν, κατόπις; лат. *ante(a)*, *antiquus* vs. *post(ea)*; ср. нем. *vor* vs. *hinterher*).

(б) ‘впереди’ = ‘позже (в будущем)’, ‘сзади’ = ‘раньше (в прошлом)’ (русск. *предстоящий, впрдь; всё впереди / позади*).

§ 5. Хотя первая из этих моделей нередко называется более архаичной, а вторая «возобладавшей в современности» (Д.С. Лихачев, Н.А. Першина, А.Д. Шмелев и др.), в современных языках вторая модель по сравнению с первой на деле представлена гораздо менее широко, между тем как первые примеры её употребления засвидетельствованы в ряде языков достаточно рано.

§ 6. Отличие второй, более редкой, семантической модели от первой состоит в том, что она предполагает наличие одушевленного субъекта (*origo*), ориентированного «лицом в будущее»; ее пространственный образ предполагает метафору пути и *относительную* систему координат: положение предметов (событий) описывается с точки зрения субъекта (*origo*):

ПРОШЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ

модель (б) → ✕ → → ✕ → (относительная система координат)

А (позади)

Б (впереди, предстоит)

Что касается первой модели, то объяснение ‘заднего’ будущего как *невидимого* (в чем видят «ориентированность в прошлое» греков и других народов) невозможно по следующим причинам:

(1) переход значения от ‘невидимый’ к ‘задний’ выглядит неправдоподобным и не подкреплён никакими аналогиями.

(2) если будущее представлялось «за спиной», то это объясняло бы лишь *относительное* значение соответствующих слов (*наше* или *чьё-то* будущее, *чьи-то* предки). Однако предлог со значением ‘впереди’ во множестве языков означает ‘раньше’ определенного события, не предполагая при этом одушевленного субъекта (*origo*): е. г., греч. πρό τῆς ἑορτῆς и, наоборот, κατόπις ἑορτῆς.

Ряд лингвистов (Г. Кларк, М. Хаспельмат, Дж. Лакофф и др.) определяют первую модель концептуализации времени в терминах пространства и движения как «moving time» (наблюдатель неподвижен, время движется на него), а вторую — как «moving ego» (наблюдатель продвигается вперед во времени). Между тем глав-

ное отличие первой модели от второй — не в подвижности времени, а в отсутствии *origo*. Примеры же, иллюстрирующие концепцию «moving time» (е. г., «*Приближается зачетная неделя, а за ней — экзамены*») можно представить в такой схеме:

НАСТОЯЩЕЕ

БУДУЩЕЕ

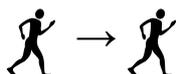
А (перед Б) Б (после А, вслед за А)

Принципиальную разницу между двумя моделями, а именно объективность первой и субъективность второй, правильно определил Д.С. Лихачев (Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 254–255). Абстрагируясь от идей Д.С. Лихачева о коренном отличии древнерусских представлений о времени от современных, его интерпретацию первой модели можно переформулировать так:

(1) сравниваемые по времени события изображаются в языке зооморфно, как движущиеся в одном направлении существа; (2) пространственной моделью для описания очередности событий во времени служит *внутренняя* система координат, при которой положение наблюдателя роли не играет:

(По)следующее Предшествующее

модель (а)

(внутренняя система координат)

Б (идет вслед за А) А (идет перед Б)

Слово *передний* получает значение ‘впереди идущий’, а затем ‘(на)ступающий раньше’. Значение слова *задний*, наоборот, развивается так: ‘идущий позади, вослед’, а затем ‘более поздний’. При этом греч. ὀπίσσω может отражать не только относительное, но и субъективное будущее — просто в этом случае субъект (*origo*) совпадает с *relatum* и представлен объективно, со стороны.

Такое объяснение развития значения ὀπίσσω наиболее развернуто защищает Й. Пальм. Решающими оказываются здесь следующие аргументы:

(1) многие относительные временные термины связаны с глаголами движения (ср. наше *последующий* / *предыдущий*, греч. ἐπίοντα, нем. *hinterhergehen* etc.);

(2) идея движения отражена в англ. *after* и нем. *nach, hinterher*: эти слова, в противоположность англ. *behind* и нем. *hinten*, употребляются обычно с глаголом движения и означают именно ‘в(о)след’, а не ‘за плечами (у стоящего)’. Это косвенно подтверждает, что и в древнегреческом будущее («последующее») может характеризоваться как *идущее вослед* настоящему, а не ‘*стоящее позади*’ него.

Таким образом, сторонники гипотезы об особом восприятии времени, якобы присущем той или иной древней культуре, не заметив, что аналогичная семантическая модель (а) используется и в современных языках, смешали *внутреннюю* систему координат с *относительной*.

Древнегреческий отличается от привычных нам языков не «обращенностью в прошлое», а тем, что для него менее характерна (по сравнению, например, с русским или английским) вторая семантическая модель описания временных отношений (б), основанная на *относительной* системе координат (ср., е. г., русск. *впередь*, англ. *henceforth, onwards* vs. греч. ὀπίσσω, лат. *in posterum*).

§ 7. Представления об особенном восприятии времени у древних греков почти всегда упоминаются в связи с толкованием гомеровского фразеологизма «(смотреть) πρόσσω καὶ ὀπίσσω». Это умение характеризует у Гомера того, кто советует воздержаться от боевых действий против заведомо сильнейшего противника (*Il.* XVIII, 250 и *Od.* XXIV, 452); по мнению Ахилла, νοῆσαι πρόσσω καὶ ὀπίσσω не может, вследствие «пагубного безумия», Агамемнон (*Il.* I, 342–344); наконец, Агамемнон приписывает это свойство старикам в противовес переменчивой юности (клятву о перемирии должен подтвердить лично Приам, а не его сыновья, *Il.* III, 109–110). Итак, πρόσσω καὶ ὀπίσσω глядит благоразумный и осторожный; неизменный контекст данного фразеологизма у Гомера — правильная позиция в вопросах войны и мира, обычно подразумевающая отказ от боевых действий.

Поскольку πρόσσω καὶ ὀπίσσω можно понимать во временном либо пространственном значении, варианты толкования интересующей нас идиомы удобно представить в следующей схеме:

- (a) (видеть) ‘прошлое [πρόσσω] и будущее [ὀπίσσω]’
- (b) (видеть) ‘будущее [πρόσσω] и прошлое [ὀπίσσω]’
- (c) (видеть) ‘настоящее [πρόσσω] (ср. τὰ ἐν ποσίν) и будущее [ὀπίσσω]’
- (d) (видеть) ‘то, что спереди [πρόσσω], и то, что сзади [ὀπίσσω]’

Временное значение — «видеть прошедшее (или: *настоящее*) и будущее» (a, b, c) — объясняют обычно как «способность предвидеть последствия, вытекающие из предшествующего (или настоящего) действия; видеть не только действие, но и его результат в будущем» (так Г. Френкель и др.). Другой вариант — «использовать знание прошлого для предсказания будущего» (Дж. Кёрк). Пространственное значение позволит истолковать фразеологизм так: «смотреть вперед и назад, т.е. со всех сторон (прежде чем сделать шаг); быть осмотрительным, оглядчивым».

В античности искомое выражение почти единодушно толковалось во временном смысле, причем ὀπίσσω понимали как ‘будущее’, а πρόσσω — то как ‘прошедшее’, по аналогии с ἔμπροσθεν (a), то как настоящее, по аналогии с πρὸς ποσίν et sim., хотя πρόσσω в значении ‘настоящее’ (c) не засвидетельствовано.

Напротив, ряд комментаторов нового времени (К.Г. Хайне, Г.Х. Крузиус, Й.У. Фэзи) под πρόσσω понимают будущее, а под ὀπίσσω — прошедшее, тем самым предполагая здесь вторую семантическую модель с *относительной* системой координат (b).

Между тем временное ὀπίσσω не засвидетельствовано в относительном значении ‘сзади = в прошлом’, всегда означая ‘будущее (последующее)’, что исключает версию b. Если придерживаться временного значения, то ὀπίσσω должно означать будущее (a, c). Однако если ὀπίσσω в значении ‘будущее’ синонимично ὀπίσθεν, то πρόσσω, в отличие от πρόσθεν, πάρος или προπάροιθεν, встречается у Гомера и Гесиода только в пространственном значении (‘сзади, назад’). Да и впоследствии в греческом языке πρόσσω, в отличие от πρόσθεν, не означает ‘в прошлом’: наоборот, у него развиваются значения ‘вперед, дальше (во времени и пространстве), впредь’. (Именно поэтому античные схолии и Евстафий расплывчато поясняют πρόσσω как «παρόν, παρελθόν, πρὸ ὀφθαλμῶν и ἐν ποσίν»; поняв ὀπίσσω как ‘in posterum’, они вместе с тем сознавали, что πρόσσω не тождественно πρόσθεν.)

Итак, во временном значении πρόσω и ὀπίσω не создают антитезу, а потому остается, вслед за У. Лифом, Й. Пальмом, Дж. О’Салливаном и др. предпочесть пространственное значение (**d**): ‘смотреть вперед и назад’, т. е. ‘действовать осмотрительно’. Такое решение (1) не вступает в противоречие с гомеровским (и послегомеровским) словоупотреблением; (2) лучше согласуется с контекстом, подразумеваемая не мудрость пророка (предвидение будущего), а житейскую мудрость, избегающую безоглядчивости.

Комментарий Евстафия и схолии ad loc. не могут рассматриваться как свидетельство того, что греки представляли будущее «у себя за спиной»: перед нами не отчет о мироощущении, а попытка этимологизации. Задумавшись над мнимым парадоксом: «Почему будущее (ὀπίσω) — ‘позади’?», — античные филологи пришли к тому же ошибочному решению, что и современные исследователи других культур: будущее ‘сзади’, потому что оно «невидимо» (ὅτι ἀφανές ἐστί).

§ 8. Кроме критики теории об особом восприятии греками прошлого и будущего, упомянутые категории когнитивной лингвистики, как показано на ряде примеров, оказываются полезными для точного описания лексического значения пространственно-временных терминов, а иногда и для толкования их значения в высказываниях, засвидетельствованных литературой.

Отдельное внимание уделяется в работе толкованию выражения χθιζά τε καὶ πρωῒζά (букв. «вчера и позавчера») и связанного с ним пассажа (II. 301 sqq.). В послегомеровском языке фразеологизм (ἐ)χθές καὶ πρόην, πρόην τε καὶ χθές указывает на относительную недавность тех или иных событий, как наше *на днях* и англ. *the other day*. Схожее значение обычно видят и в выражении (ἐ)χθές καὶ τρίτην ἡμέραν. Такой же смысл предполагается и для гомеровского χθιζά τε καὶ πρωῒζά (II. II, 303), однако сам пассаж интерпретируется по-разному.

Уговаривая греков не отказываться от борьбы, Одиссей напоминает им о знамении девятилетней давности (змее, проглотившей девять воробьев) и связанном с ним пророчестве Калханта (II, 301 sqq.): εὖ γὰρ δὴ τόδε ἴδμεν ἐνὶ φρεσίν, ἐστὲ δὲ πάντες // μάρτυροι, οὐς μὴ κῆρες ἔβαν θανάτοιο φέρουσαι(·) // χθιζά τε καὶ πρωῒζ’ ὅτ’ ἐς Αὐλίδα νῆες Ἀχαιῶν // ἠγερέθοντο κακὰ Πριάμῳ καὶ Τρῳσὶ φέρουσαι...

Большинство ученых, ставя колон после φέρουσαι, относят слова χθιζά τε καὶ πρωῒζά к знамению и переводят их «как если бы только вчера...» (П. Кауэр, В. Кульман, Дж. Кёрк, Й. Латач и др.). Такое толкование подразумевает неожиданную гиперболичность: «еще вчера или позавчера» сказано о событии девятилетней давности. Это принято объяснять стихом 301: все прекрасно помнят о знамении, как будто оно случилось только вчера. Однако в данной ситуации подобное преувеличение неуместно психологически: уговаривая товарищей подождать, Одиссей сам подчеркивает, что идет уже девятый год войны и усталость их закономерна (ст. 291–298).

М. Уэст предлагал толковать интересующее нас выражение в широком смысле (‘вчера и позавчера’ т. е. ‘в прошлом’ вообще), что нехарактерно для греческого послегомеровской эпохи, но находит параллели в Септуагинте и, соответственно, в иврите. Однако в известных нам примерах данная идиома либо подразумевает повторяющееся действие, либо указывает на определенный период времени, но никогда не относится к конкретному, *однократному* действию или событию.

К.Ф. Нэгельсбах и Г. Аутенрит после πρωϊζά предполагают эллипс связки ἦν («прошло лишь несколько дней с тех пор, как корабли ахейцев стали собираться в Авлиде...»); но У. Лиф и С. Бассет справедливо указывают, что приведенные ими примеры эллипса ἦν неубедительны в качестве параллели к разбираемому месту.

К. Лерс и поддержавшие его К.Ф. Амайс и К. Хентце, У. Лиф, Д.Б. Монро и А. Зайбель относят $\text{χθιζά τε καὶ πρωϊζά}$ не к ῥτε , а к ἠγερέθοντο : «когда корабли собирались вчера или позавчера», т. е. «вскоре после того, как корабли собирались»: но принципиальная трудность такого толкования — в дейктической природе слов χθιζά и πρωϊζά , которые должны означать именно ‘вчера’ и ‘позавчера’, а не ‘за день (два) до того’.

Альтернативный вариант интерпункции, принятый К.Г. Хайне, Л. Дёдерлайном, Й. фан Лёвенем, а недавно — М. Уэстом, предполагает колон или тире не после ст. 302, а после πρωϊζά в ст. 303: тогда $\text{χθιζά τε καὶ πρωϊζά}$ относится не к пророчеству Калханта, а к смерти товарищей (не к единичному событию, а к повторяющемуся действию в прошлом). Перевод этих стихов Цицероном (*De div.* II, 30, 63) не может служить веским аргументом против такой интерпункции; серьезнее оказываются два других соображения.

(1) В таком случае Одиссей призывает в свидетели всех товарищей кроме тех, кто недавно умер. К.Г. Хайне и С. Бассет видят здесь указание на недавнюю эпидемию; но, как указывают И. Беккер и К.Ф. Амайс, странно было бы умалчивать о тех, кто умер в первые девять лет войны. Мы предлагаем, по примеру Л. Дёдерлайна, понимать $\text{χθιζά τε καὶ πρωϊζά}$ более широко: ‘в близком и более отдаленном прошлом, давеча, на нашей памяти’.

(2) Другая трудность второго варианта интерпункции — не засвидетельствованное у Гомера асиндетическое ῥτε в начале предложения. Эту проблему снимает предложение К. Хагена ставить придаточное с ῥτε в зависимость от ἰδμεν (ст. 301), по аналогии с $\text{ἦ οὐ μέρμηρη ῥτε...}$ (*Il.* XV, 18; XX, 188; XXI, 396). Мы можем добавить еще более близкую параллель с глаголом ἰδεῖν : $\text{ἦ οὐκ οἶσθ' ῥτε...}$ (*Od.* XVI, 424).

Такое решение и представляется нам оптимальным: семантика фразеологизма, синтаксис и общий смысл пассажа в этом случае удовлетворительны; синтаксис, благодаря парентезе, будет не самым тривиальным, но в виду трудностей, с которыми сопряжены другие толкования, и при наличии параллелей к такому ῥτε , с этой неожиданностью можно примириться.

Таким образом, наряду с другими доводами, дейктическая природа слов $\text{χθιζά τε καὶ πρωϊζά}$ в *Il.* II, 303 является решающим аргументом против толкования К. Лерса, поддержанного рядом ученых.

§ 9. Итак, разработанные лингвистикой для изучения дейктических терминов понятия *origo, relatum, locatum*, а также различение *относительной, внутренней и абсолютной* системы координат позволяют терминологически четко охарактеризовать развитие значения и особенности употребления относительных пространственных и временных терминов в древнегреческом языке и, главное, — раскрыть принципиальную ошибку ученых, пытающихся объяснить совмещение значений ‘сзади’ и ‘в будущем’ особенностью психологии или «картины мира» (*Weltbild*).

Третья глава «ПРОБЛЕМЫ ПРАВОГО И ЛЕВОГО В ПТИЦЕГАДАНИИ»

§ 1. Толкование терминов правого и левого нередко затруднено энантиосемией. Так, при замене относительной системы координат на внутреннюю их смысл меняется на противоположный. Дополнительные трудности связаны с возможностью толкования правого и левого в абсолютной системе координат (применительно к сторонам света).

§ 2. Развитие у соответствующих слов переносных значений ('благоприятный', 'ловкий' и обратные им) определяется ролью правого и левого в разных культурах. В языке, мифологии, религиозном культе и суевериях большинства народов правая сторона предпочтительнее левой. Причиной этого вслед за Р. Герцем справедливо считают врожденное физическое преимущество правой руки, обусловленное особенностями функций головного мозга. Суевериями же объясняется, вероятно, и большее количество слов для 'левого' по сравнению с 'правым' в разных языках (ср. греч. σκαίός и эвфемистические ἀριστερός и εὐώνυμος). Обзорные исследования по правому и левому в античности (А.П. Уэйджнера, А. Горнатовски, А.В. Подосинова и др.) выявляют схожую картину и для античной культуры.

§ 3. Некоторую популярность в науке имеет гипотеза о благоприятности левого в ранней римской традиции; но изучение свидетельств о римских суевериях ее опровергает. Все указания на благоприятность левого у римлян сводятся к учению авгуров, на языке которых благоприятные небесные знамения называются 'левыми' (лат. *sinister, laevus*). Примечательно, что дурные знамения не называются при этом 'правыми'. Й. Валетон убедительно показал различие между т.н. *auguria oblativa* (спонтанными знамениями) и *auguria impetrativa* («испрошенными» знамениями): в первом случае гадающий не обращается к определенной части света, и тогда птица справа от него благоприятна, а слева — неблагоприятна. Употребление терминов *laevus* и *sinister* в значении 'благоприятный' относится к *auguria impetrativa* и может объясняться особенностью ориентации при обряде птицегадания.

§ 4. Свидетельства о греческом птицегадании, большинство из которых относятся к гомеровским поэмам, также дают сложную и запутанную картину.

Благоприятные знамения, связанные с молниями, характеризуются у Гомера наречным ἐνδέξια (*Il.* IX, 237) и ἐπιδέξια (*Il.* II, 353). В обоих случаях трудно определить, идет ли речь о местоположении знамения или о направлении молнии (такую практику Дионисий Галикарнасский [*A. R.* II, 5, 2–4] и Плиний Старший [II, 143] приписывают этрускам). Параллельные места у Павсания (*Paus.* IV, 21, 1: ἤστραπτε... τοῦτοῖς κατὰ δεξιά) и Ксенофонта (*Xen. Cyr.* VII, 1, 3: βροντὴ δεξιά ἐφθέγγετο) заставляют склониться в пользу первого предположения.

К небесным знамениям, связанным с птицами (ὄρνις), у Гомера применяются стоящие в пом. эпитеты δεξιός и ἀριστερός, обычно с глаголами πέτομαι или ἄισσω в аористе и зависящим от них *dat. personae* (*Il.* XIII, 821; XXIV, 319–320; *Od.* II, 154; XV, 160, 525; XX, 242; XXIV, 311–312). Несколько особняком стоит *Il.* X, 274, где Афина посылает Одиссею и Диомеду рядом с дорогой 'правую цаплю' (δεξιὸν ἐρωδιόν), которую они не видят в темноте, но слышат и принимают за хороший знак (аллюзия к этим стихам встречается еще у Гиппонакта [fr. 23 Degani]: δεξιῶ ... ῥωδιῶ).

Чаще всего δεξιὸς (ἀριστερός) ὄρνις — крупный хищник, орел или ястреб, обычно держащий в когтях голубку или гуся, — появляется сразу по окончании речи героя (тем самым подчеркивается, что знамение относится к его словам) или, как в *Od.* XX, 242 и XXIV, 311–312, непосредственно перед началом мероприятия, предвещая удачный или неблагоприятный исход. В *Il.* XXIV, 319–320 и VIII, 247 Зевс посылает орла в ответ на инвокацию (в последнем случае без эпитета δεξιός). Иногда, кроме направления полета, для истолкования знамения актуальны метафорические ассоциации знамения.

Из упомянутых свидетельств о птицегадании выделяется описание зловещего знамения, явленного троянцам, когда они готовились перейти через ров: ὄρνις γάρ σφιν ἐπῆλθε περησέμεναι μεμαῶσιν // αἰετὸς ὑψιπέτης ἐπ’ ἀριστερά λαὸν ἐέργων (*Il.* XII, 200–201). По-видимому, эти слова означают, что орел преградил путь троянцам, пролетев перед ними справа налево (ср. ситуацию с обратным направлением полета и благоприятным метафорически знаменем, где орел украл гуся и «устремился *вправо* перед лошадьми», δεξιὸς ἦιξε πρόσθ’ ἵππων, *Od.* XV, 164). Кроме направления полета орла, неблагоприятным было то, что он держал в когтях змею, которая, ужалив его, вырвалась из плена: это символически означало крах уже почти осуществленного предприятия. Далее Гектор так успокаивает взволнованного этим знаменем Полидаманта (ст. 238–240): οὐδ’ ἀλεγίζω // εἴτ’ ἐπὶ δεξί’ ἴωσι πρὸς ἠῶ τ’ ἠέλιόν τε, // εἴτ’ ἐπ’ ἀριστερά τοί γε ποτὶ ζόφον ἠερόεντα.

Обсуждение этих стихов пробудило столько догадок о практике ориентации птицегадания, что мы можем лишь вкратце резюмировать предлагавшиеся пути решения основных проблем, перечислив и контраргументы.

Первая (часто игнорируемая) проблема, возникающая в связи с толкованием терминов δεξιός и ἀριστερός, такова {a}: следует ли относить их к месту появления птицы или к направлению ее полета?

В последнем пассаже ὄρνις ἀριστερός летит ἐπ’ ἀριστερά. В сочетании с глаголом ἦλυθεν или ἐπέπτατο и dat. personae выражение ὄρνις δεξιός кажется естественным понимать как птицу, которая появляется справа (ср. Xen. *An.* VI, 1, 23; Cyr. II, 1, 1 и особенно Plut. *Them.* 118a: γλαῦκα δ’ ὀφθῆναι διαπετομένην ἀπὸ δεξιᾶς τῶν νεῶν); но появляясь справа, птица должна лететь влево. С другой стороны, выражение δεξιὸς ἦιξε в применении к той же птице (*Od.* XV, 164; ~ *Od.* II, 154; *Il.* XXIV, 320), возможно, указывает на направление полета. Решать проблему {a} ученые предлагали следующими способами:

{a1} Многие комментаторы заявляют, что ‘правой’ у греков называлась птица, летящая вправо, а не появляющаяся справа, не приводя, впрочем, ни параллелей к такому словоупотреблению, ни объяснений его возникновения. (К эпизоду с цаплей [*Il.* X, 274] это объяснение, видимо, не относится.)

{a2} Еще в античности для δεξιός и ἀριστερός предполагалось абсолютное значение (‘восточный’ и ‘западный’). Для *Il.* XXIV, 320 (εἴσατο δέ σφι // δεξιὸς ἀίξας διὰ ἄστεος), *Od.* II, 154 (δεξιῶ ἦιξαν διὰ τ’ οἰκία καὶ πόλιν αὐτῶν) и *Od.* XX, 242 это толкование имеет то преимущество, что речь там идет о целом городе и о группе женихов, которую трудно представить ориентированной в одном направлении. Впрочем, в этих случаях естественно предположить поэтическую услов-

ность; для *Il.* XXIV, 319–320 и *Od.* II, 154 возможно также, что в качестве *origo* выступает не весь город, а, соответственно, Приам и Телемах.

Это толкование, однако, опирается в недостаток параллелей. Для отождествления востока и правой стороны мы имеем лишь одно не вполне надежное свидетельство доксографической традиции, которое относится к космологии «пифагорейцев» (*Plac. Phil.* II, 10; ср. ниже с. 21, пункт {5}); но из него не следует, что δεξιός могло употребляться в значении ‘восточный’ без дополнительных пояснений: ни ранние географические описания, ни поэзия надежных примеров этого не дают.

{a3} Иногда δεξιός и ἀριστερός понимаются в переносном смысле — как ‘faustus’ и ‘infaustus’. Этот подход косвенно подтверждается свидетельствами вне гомеровских поэм, из которых следует, что система птицегадания могла быть сложной, а термины правого и левого могли использоваться не в буквальном, а в техническом смысле. Так, согласно эфесской надписи VI–V в. до н. э. SIG 2953 (= Ditt. ³Syll. 1167), птица, пролетевшая справа налево и скрывшаяся из виду, является δεξιός, но если она подняла при этом левое крыло, то она уже εὐώνυμος; наоборот, птица, пролетевшая слева направо — εὐώνυμος, но с поднятым при этом правым крылом становится δεξιός. (Ср также. Hippocr. *De diaeta in morbis acutis* cap. 3 [II, 242–243]: οἱ μάντιες τὸν αὐτὸν ὄρνιθα, εἰ μὲν ἀριστερὸς εἴη, ἀγαθὸν νομίζουσιν εἶναι, εἰ δὲ δεξιός, κακόν.)

К этому толкованию склоняется и автор диссертации, констатируя, однако, что для δεξιός с глаголом αἴσσω в аористе (*Il.* XXIV, 320; *Od.* II, 154; XV, 164) его применить труднее: здесь легче видеть указание на направление движения.

Вторая проблема, связанная с интерпретацией птицегаданий у Гомера {6}, заключается в том, что в *Il.* XII, 239–240 Гектор совмещает действительные термины с абсолютными (‘вправо’ = ‘на восток’).

{61} Наиболее частое объяснение этого пассажа — предположение о северной ориентации гомеровского птицегадателя (встречавшееся еще у И.Г. Фосса). Гипотеза о северной ориентации греческого авгура получила такое распространение в науке, что стала считаться чуть ли не общим местом; более того, иногда на основании стихов *Il.* XII, 239–240 северная ориентация экстраполируется и на другие сферы греческой культуры.

Между тем популярность представления о северной ориентации гадалателя мало соответствует его обоснованности (наиболее развернутую критику этой точки зрения дает Валетон): (1) *Il.* XII, 239 — единственное (и при том не обязательное) свидетельство в его поддержку; (2) о предварительном обряде, который подразумевал обращение на север, в тексте не сообщается; если троянцы в данном случае были обращены лицом на север, то это никак не связано с нуждами птицегадания.

Добавим, что попытки Г. Штюренбурга вслед за К. Миллером обнаружить следы северной ориентации у Гомера, как и в более позднюю эпоху, были убедительно отвергнуты А.В. Подосиновым и др. (речь идет прежде всего о терминах со значением ‘выше / ниже’, которые иногда трактовались как ‘севернее / южнее’, но на деле, видимо, означают ‘дальше в море (вглубь материка) / ближе к берегу моря’: *Il.* XXIV, 544–545; *Od.* III, 170–172; IX, 25; XIV, 300).

{62} Часть ученых (А. Бишоф, Г. Дарбишир, У. Лиф [с колебаниями], наиболее развернуто — Ж. Кюйандр) предлагали понимать под гомеровской анти-

тезой ζόφος и ἥως τ' ἠέλιός τε не запад и восток, а, соответственно, север или северо-запад и юг или юго-восток. Это дало бы возможность усматривать здесь не северную, а более обширно представленную в других культурах восточную (ср. *Od.* XIII, 240–241) или юго-восточную ориентацию. В таком случае слова Гектора могли бы не относиться к только что увиденному знамени, а приближаться к фразеологизму ('куда бы птицы ни летели', 'в одном направлении или в другом').

В античности такое значение для ζόφος и ἥως τ' ἠέλιός τε отстаивал Страбон (X, 2, 12), считая, что это лучше объяснит стихи *Od.* IX, 25–26 (о местонахождении Итаки и трех соседних островов) и X, 190–192 (Одиссей и товарищи не знают, ни где ζόφος, ни где ἥως, ни где заходит солнце, ни где оно восходит). Однако соображения Страбона, повторяемые Кюйандром, крайне малоубедительны. В *Od.* IX, 25–26 (αὐτὴ δὲ χθαμαλὴ πανυπερτάτῃ εἰν ἀλλ' κεῖται // πρὸς ζόφον) Страбон, видя противоречие между χθαμαλή и πανυπερτάτῃ, предлагал трактовать χθαμαλή ('приземистый') как 'близкий к материку', что едва ли оправдано. В *Od.* X, 190–192 он толкует ζόφος и ἥως как 'север' и 'юг', потому что ему не нравится тавтологическая амплификация (на деле очень характерная для стиля Гомера). Любопытно, что в стихах *Il.* XII, 239–240 он тоже хочет видеть не два, а четыре направления света (понимая под ἐπὶ δεξιᾶ и ἐπ' ἀριστερά восток и запад, ср. выше пункт {a2}), что невозможно грамматически.

В лексическом плане толкование ζόφος и ἥως τ' ἠέλιός τε, которое отстаивают Кюйандр и др., мыслимо, и убедительно опровергнуть его тяжело; однако *opus probandi* лежит на сторонниках этой гипотезы, а веских аргументов в ее защиту найти не удастся. Надежнее идентифицировать Итаку и три острова рядом с ней (*Od.* IX, 25–26) это толкование не помогает; в *Od.* X, 190–192 для ζόφος и ἥως не обязательно предполагать значение 'север' и 'юг'. Против понимания ζόφος как 'север' говорит его этимологическое родство с ζέφυρος; ἥως в других контекстах прочно ассоциируется именно с зарей, а выражение «заря и солнце» вместо простого «заря» характерно для гомеровского стиля, и вовсе не обязательно предполагать здесь изменение смысла на 'восток и юг'.

{63} Обсуждая значение выражения ἐπὶ δεξιᾶ и ἐπ' ἀριστερά применительно к движению по кругу, то есть в абсолютном значении (см. об этом ниже в главе 4), Э. Бронлич пыталась в этом же ключе толковать движение птицы влево. Придя к выводу, что ἐπ' ἀριστερά характеризует движение по часовой стрелке, т. е. по ходу солнца, она распространяла это значение и на полет птицы: термин ἐπ' ἀριστερά означал (круговой) полет по ходу солнца (движение которого иногда описывалось как 'влево'), а термин ἐπὶ δεξιᾶ — полет навстречу движению солнца. Ф. Йевонс предполагал то же самое, только наоборот: ἐπ' ἀριστερά он трактовал как 'против часовой стрелки'.

Между тем птица — не астрономическое светило и в обсуждаемых пассажах движется не по кругу, а по прямой, так что применительно к *Il.* XII, 239–240 любые аналогии с круговым движением надо решительно отвергнуть.

{64} Дифференцированный подход к толкованию знамений у Гомера предложил Й. Валетон. Термины правого и левого применительно к птицегаданию он иногда понимает в референциальном значении (слева или справа от того, кому является знамение), а иногда (в том числе для *Il.* XII, 239–240 и XXIV, 320, *Od.* II, 154

и XX, 242, ср. выше § {a2}) — в абсолютном значении, как ‘запад’ и ‘восток’; при этом правое и левое Валетон увязывает с востоком и западом не через северную ориентацию, а через положительные и отрицательные ассоциации этих сторон света (‘правый’ = ‘благоприятный’ = ‘восточный’). Как уже говорилось, трудность этой интерпретации в незасвидетельствованности такого словоупотребления (ср. также ниже, с. 21, пункт {5}).

{65} Самое простое решение проблемы {6} предполагает, что для знамения в II. XII, 239–240 актуально было направление полета птицы справа налево для троянцев; совпадение же левого с западом, а правого с востоком в словах Гектора означает, что во время «битвы у стен» троянцы стояли лицом к северу (так еще Г. Николаидис). Это объяснение выглядит правдоподобно с точки зрения географии троянской равнины. В II. XIV, 36 упоминается, что стоянка кораблей находилась в бухте (ἡϊόνος στόμα μακρόν) между двух мысов (ἄκρα), под которыми обычно понимаются мысы Сигей и Ройтей, находящиеся к северу или северо-западу от холма Гиссарлык. (Лиф, Кюйандр и др. сторонники интерпретации {62} исходят из такой же картины, но предпочитают искать другое объяснение для отождествления ζόφος и ἡὼς τ’ ἡέλιός τε с левой и правой стороной). Это решение проблемы {6} следует предпочесть другим: оно избавляет нас от необходимости предполагать, что восток сам по себе мог называться ‘правой’ стороной.

Итак, разбор свидетельств приводит к выводу о том, что к толкованию терминов правого и левого применительно к птицегаданию следует подходить с осторожностью; критерии благоприятности знамения (место появления птицы или направление ее полета) не всегда очевидны, а в ряде случаев для δεξιός и ἀριστερός нельзя исключать «техническое» значение (‘благоприятный’ и ‘неблагоприятный’). Интерпретация терминов δεξιός и ἀριστερός в абсолютном значении (‘восточный’ и ‘западный’) не находит надежного подтверждения.

§ 5. Попытки истолкования стихов II. XII, 239–240 привели к возникновению двух распространенных представлений: (1) гипотезы о северной ориентации греческого птицегадателя и (2) мнения о том, что в греческом языке нашла отражение идея отождествления востока с правой (благоприятной) стороной. Оба этих представления являются необоснованными.

Четвертая глава «СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ПО КРУГУ В ТЕРМИНАХ ПРАВОГО И ЛЕВОГО»

§ 1. Референциальная двусмысленность терминов правого и левого особенно ярко проявляется при описании движения по кругу в определенную сторону: в современных языках можно найти подтверждение тому, что абсолютные понятия ‘по часовой стрелке’ и ‘против часовой стрелки’ нельзя последовательно и однозначно выразить с помощью относительных терминов правого и левого.

§ 2. Между тем исследователи разнообразных религиозных, магических и бытовых обрядов и обычаев, связанных с движением по кругу, зачастую не осознавали упомянутую двусмысленность, повсюду ассоциируя термин ‘вправо’ с движением по часовой стрелке (в северном полушарии — по ходу солнца), а термин ‘влево’ — с движением в обратную сторону.

В русле этой неосознанной тенденции сформировалось популярное в науке генерализирующее представление о том, что у самых разных народов, в т.ч. у древних греков и римлян, обряды и обычаи, связанные с круговым движением, определялись солнечным культом: движение по ходу солнца (ср. слав. *посолонь*), обычно характеризуемое учеными как направленное ‘вправо’ (ср. санскр. *pradaksina*), будто бы считалось благоприятным, а движение против солнца (ср. англ. *wither-shins*) — относилось к сфере похоронной обрядности, черной магии и т. п. (Э. Гобле д’Альвиелла, У. Симпсон и др.). То же самое часто постулировалось и для античности (К. Бёттихер, Ф. Йевонс, В. Пакс, Ж. Кюйандр, А.В. Подосинов).

Вразрез с этим представлением идут лексикографические статьи Г. Дарбишира и Э. Бронлич, доказывающие для др.-греч. ἐπὶ δεξιᾶ значение ‘против часовой стрелки’, а для ἐπὶ ἀριστερᾶ — ‘по часовой стрелке’.

Чтобы выяснить значение соответствующих терминов и решить вопрос о предполагаемом влиянии солярного культа на формирование древнегреческих обрядов и обычаев, необходимо рассмотреть античные свидетельства, в которых движение по кругу в определенную сторону характеризуется как направленное ‘вправо’ или ‘влево’. При этом, учитывая разнообразие ситуативных контекстов, связанных с движением по кругу, и непоследовательность употребления аналогичных слов в новых языках, не следует заранее предполагать, что слова ‘вправо’ или ‘влево’ применительно к круговому движению во всех случаях будут означать ‘по часовой стрелке’ или наоборот.

§ 3. Разбираемые свидетельства разделяются на следующие группы:

{1} Состязания колесниц. Сторонники предположения о роли солярного культа нередко ссылаются на пассажи *Il.* XXIII, 334–340 и *Soph. El.* 718–722, где упоминается, что, огибая мету, возница должен сдерживать левого коня и погонять правого. Отсюда следует, что кони бежали против часовой стрелки. Предполагая а priori, что это движение коней против часовой стрелки (и, соответственно, против солнца) характеризовалось как ἐπὶ ἀριστερᾶ, многие ученые делают вывод о связи этого обряда с подземным культом. Однако термины ἐπὶ δεξιᾶ или ἐπὶ ἀριστερᾶ к бегу колесниц при этом не применяются, так что для интересующего нас вопроса эти пассажи ничего не дают: здесь мы знаем направление движения, но не знаем, как оно описывалось в терминах правого и левого. (Нельзя с уверенностью толковать как ‘против часовой стрелки’ и *sinistro orbe* в описании объезда вокруг погребального костра у Стация [*Theb.* VI, 215–216]).

{2} Симпози. Разливание вина по кругу виночерпием (*Il.* I, 597; cf. *Od.* XXI, 141–142; XVII, 365), а также передача чаши и произнесение по кругу тостов на пиру (*Plat. Symp.* 177d; 214c; 223c; *Athen.* X, 432; XI, 463–464; 668–669; et saepius) неизменно характеризуются как направленные ‘вправо’.

Если в качестве *origo* выступают сами участники пира, то они передают чашу или тост соседу справа, т. е. против хода солнца и часовой стрелки. Сторонники гипотезы о влиянии на эти обычаи солярного культа полагают, что речь, наоборот, идет о движении *посолонь*, приводя в пример современный обычай сдавать карты или разливать вино по часовой стрелке (слева направо с точки зрения раздающего / разливающего). Значение ‘по часовой стрелке’ в данном случае мыслимо для ἐπὶ

δεξιῶ, если центром координат считать наблюдателя, стоящего лицом к пирующим (в центре или у основания буквы Π).

Поскольку выражения ὁ ἐπὶ δεξιῶ ('сосед справа', Plat. *Symp.* 214c), πρὸς αἰεὶς ὀρέγειν ἐπὶ δεξιῶ и ἐπὶ δεξιτέρων χεῖρα (Critias apud Athen. X, 432) и др. естественнее понимать с точки зрения пирующего, в ситуации пира 'вправо', скорее всего, означало переход чаши или слова к соседу справа и указывало, таким образом, на движение против часовой стрелки.

{3} Надевание гиматия. Гиматий афиняне классической эпохи также предпочитали перекидывать 'вправо' (Agraph. *Av.* 1567–68; cf. Plat. *Theaet.* 175e; Artemid. III, 24). Ж. Кюйандр и вслед за ним А.В. Подосинов, понимая ἐπὶ δεξιῶ как 'по ходу солнца' и приводя многочисленные интеркультурные параллели, видят здесь влияние солярного культа. Однако, как справедливо указывают Г. Дарбишир и Э. Бронлич, а также рецензент книги Ж. Кюйандра Ф. Робер и многие авторы комментариев к «Птицам» Аристофана, на аттических вазах гиматий изображается перекинутым через левое плечо, оставляя открытой правую руку. Таким образом, гиматий был обернут против часовой стрелки. Возможно, особенно важным в надевании гиматия считался последний этап: перебрасывание плаща за спиной от левого плеча к правому бедру. Так или иначе, в данном случае термин 'вправо' тоже подразумевает движение против часовой стрелки.

{4} Обход вокруг алтаря также описывается в источниках как направленный 'вправо' (Agraph. *Pax* 957; Eug. *Iph. Aul.* 1472: ἐνδεξιούσθω βῶμόν; cf. Val. Fl. *Arg.* VIII, 246). Большинство ученых считают, что алтарь обходили по часовой стрелке (по ходу солнца), так что к алтарю была обращена правая часть обходящего (К. Бёттихер, Й. Марквардт, Г. Блюмнер и др.). В статьях Г. Дарбишира и Э. Бронлич значение ἐπὶ δεξιῶ в этих случаях не обсуждается. Для решения данного вопроса автор привлекает не учитывавшийся в дискуссиях о направлении обхода алтаря пассаж из трактата Феофраста «О головокружениях», в котором предполагается аналогичный ситуативный контекст (обход по кругу).

По словам Феофраста, более сильное головокружение испытывают бегущие по кругу 'влево', а не 'вправо' (3, 27). Поясняется это так: все, кто бегут по кругу, слегка отклоняют корпус к центру движения, а у бегущих 'влево' угол наклона острее, поскольку «правая часть тела, будучи более массивной, отклоняет тело внутрь (круга) из-за слабости левой части» (6, 44–45).

Последний издатель трактата «О головокружениях» Р. Шарплс понимает под бегом 'влево' движение против часовой стрелки, однако аргументов в пользу этого не приводит. Между тем рассуждение Феофраста легче понять, если предположить, что бег 'влево' направлен по часовой стрелке, так что к центру обращена правая сторона бегущего. В этом случае его тело, изначально слегка наклоненное к центру движения, будет еще больше склоняться к центру под влиянием более массивной (как считает Феофраст) правой части тела. Напротив, в случае движения против часовой стрелки (т.е. левой стороной к центру) более тяжелая правая сторона тела окажется не внутри круга, а снаружи, и корпус будет меньше отклоняться к центру, чем при беге по часовой стрелке (правой, более тяжелой, стороной к центру).

Таким образом, текст Феофраста дает серьезные основания полагать, что описание движения по кругу 'вправо' (ἐπὶ δεξιῶ), характеризующее обход алтаря,

означало направление, обратное ходу солнца и движению часовой стрелки. В качестве *origo* здесь может выступать либо внешний наблюдатель, находящийся за пределами круга, либо сам идущий по кругу, если его ориентировать лицом к центру движения. В таком случае воспроизведение хода солнца не могло лежать в основе этого обряда.

{5} Движение небесных светил. Применительно к обращению небесных светил заведомо двусмысленные термины правого и левого употребляются относительно редко (даже термины «по часовой стрелке» и «против часовой стрелки» в этом случае однозначны только при условии, что один из полюсов считается верхним).

Элис Бронлич справедливо указывает, что ἐπὶ δεξιᾶ означает ‘против часовой стрелки’, а ἐπὶ ἀριστερᾶ — ‘по часовой стрелке’ в пассаже Arstl. *De caelo* II, 2, 285b: исходя из того, что всякое движение начинается ‘справа’, Аристотель считает верхним не северное полушарие, а южное, так как только в этом случае движение будет «начинаться справа и осуществляться по кругу вправо»; если же считать верхом северный полюс, то движение солнца и звезд будет направлено «влево».

Вопрос о том, почему вращение мира вокруг своей оси против часовой стрелки описывается Аристотелем как направленное ‘вправо’, а не ‘влево’, остается спорным. Бронлич считает, что под влиянием «социальных контекстов» ({2}, {3}) термины ἐπὶ δεξιᾶ (ἐπὶ ἀριστερᾶ) приобрели терминологическое значение ‘против часовой стрелки’ (‘по часовой стрелке’). Между тем значение дейктического термина прежде всего определяется не аналогией с другими контекстами, а наиболее естественным выбором *origo* в данном контексте, так что абсолютная терминологическая последовательность здесь заведомо недостижима (ср. ниже {6}, {7}, где термин ‘вправо’, наоборот, применяется к вращению вокруг своей оси по часовой стрелке).

У Платона (*Tim.* 36c, 38c) вращение звездного неба и суточное движение солнца, напротив, определяется как направленное ‘вправо’, а годичное движение планет в обратном направлении — как ‘влево’. (Если верхним считать северный полюс, что, видимо, было обычной практикой, то в первом случае движение будет направлено по часовой стрелке, а во втором против). Этот пассаж особенно интересовал ученых потому, что в «Послезаконии», принадлежность которого Платону оспаривается, термином ἐπὶ δεξιᾶ характеризуется годичное движение солнца и планет, которое противоположно вращению звездного неба и суточному движению солнца (987b).

С точки зрения диссертанта, на выбор терминов правого и левого в астрономическом контексте повлияло употребление армиллярных сфер и небесных глобусов. Из объяснений, предлагавшихся для пассажа из «Тимея», наиболее убедительным представляется толкование Л. Робена, поддержанное Г. Черниссом и Л. Тараном: контекст Тимея предполагает, что в качестве *origo* должен выступать не наблюдатель, следящий за движением звезд в северном полушарии, а Демиург; создаваемый им космос мыслится как армиллярная сфера, у которой северный полюс сверху и на которую Демиург взирает сверху вниз.

Словоупотребление, обратное *Tim.* 36c, кроме *Epinom.* 987b, встречается также во фрагментах претексты Акция «Брут» (*Cic. De div.* I, 44–45): солнце, обратив-

шееся вспять, характеризуется как направленное ‘вправо’ (*dextrorsum*). Для объяснения этих пассажей ученые привлекали представления, критически оцениваемые в третьей главе диссертации (ориентация лицом на север и отождествление правой стороны с востоком), ссылаясь при этом на те же самые свидетельства *II. XII. 239–240* и *Plac. Philos. II, 10* (ср. выше, с. 15 и 17, пункты {a2}, {61} и {64}). Тогда обращенное вспять солнце у Акция и годовое движение солнца и планет в «Послезаконии» было бы направлено к ‘правой’ стороне, т. е. на восток (так Л. Таран, А. Бёк, Э. Де Плас, А. Тэйлор и др. для *Epinom. 987b*; Фр. Боте, А.С. Пиз, Г. Мануальд, А. Тралья и др. для «Брута»).

Между тем выбор северной ориентации (спорным свидетельством которой, как уже упоминалось, служит только *II. XII. 239–240*) неестественен для наблюдения за движением планет и особенно за дневным движением солнца; название же востока ‘правой’ частью мира не находит подтверждений в языке. Параллельное место из компиляции Гигина (*Astron. I, 5; IV, 8, 2*) предполагает другое толкование: правое и левое применяются здесь не к наблюдателю в северном полушарии, стоящему лицом на север, а к человеку, который смотрит на модель космоса со стороны (при этом северный полюс расположен сверху).

Передняя, видимая для наблюдателя часть армиллярной сферы или небесного глобуса, которые имеют северное полушарие сверху и вращаются по часовой стрелке, в таком случае движется справа налево. Эта пространственная модель и могла привести к возникновению астрономической конвенции, описывающей вращение звездного неба и суточное движение солнца как ‘справа налево’, а годовое перемещение солнца и планет в обратном направлении как ‘слева направо’.

Важную роль в дискуссии вокруг *Tim. 36c* и *Epinom. 987b* и ориентационной практики греков играет пассаж *Plat. Leg. 760cd*: начальники стражи должны в течение года переводить молодых зрителей на соседние участки ἐπὶ δεξιᾷ κύκλω, что поясняется так: τὸ δ’ ἐπὶ δεξιᾷ γυρνέσθω τὸ πρὸς ἔω. (На следующий год перевод осуществляется в обратном направлении). Между тем это место напрасно увязывается с соответствующими астрономическими пассажами, поскольку тут говорится о движении на плоскости. По-видимому, здесь подразумевается позиция наблюдателя в центре круга и движение ‘вправо’ по часовой стрелке (Э. Бронлич, желая всюду трактовать ἐπὶ δεξιᾷ как ‘против часовой стрелки’, предполагает обратное). Форма γυρνέσθω показывает, что отождествление правой стороны с востоком (и, соответственно, позиция наблюдателя лицом к северу) имеет здесь конвенциональный характер. Если бы общепринятая практика подразумевала ориентацию лицом на север, то слова τὸ δ’ ἐπὶ δεξιᾷ γυρνέσθω τὸ πρὸς ἔω были бы излишни.

{6} Вращение веретена. Из комментариев Прокла к «Государству» Платона (*X, 617c*) можно заключить, что тот, кто держит веретено в правой руке, вращает его ἐπὶ δεξιᾷ, а тот, кто в левой, — ἐπ’ ἀριστερά. Веретено вращают движением от себя, так что вращающий веретено правой рукой делает это в направлении часовой стрелки. Таким образом, в данном случае, в отличие от предыдущих, ἐπὶ δεξιᾷ должно означать ‘по часовой стрелке’. Э. Бронлич, ссылаясь на другие примеры употребления ἐπὶ δεξιᾷ ({2}, {3}), настаивает на том, что вращающий веретено правой рукой делал это против часовой стрелки. Между тем это противоречит очевидной практике, и другие ситуативные контексты, где ἐπὶ δεξιᾷ означает ‘против часовой

стрелки', не дают оснований для такого предположения. Направление движения характеризуется с точки зрения человека, поворачивающего веретено правой рукой вправо от себя (похожим движением мы обычно включаем правой рукой газовую конфорку); в отличие от других ситуативных контекстов, здесь движение 'вправо' совпадает с ходом солнца и часовой стрелки.

{7} Поворот человека вокруг своей оси. Римский обычай поворачиваться вокруг своей оси при поклонении богам (Plaut. *Curc.* 70; Plut. *Cam.* 5, 9, cf. Plin. *NH.* XXVIII, 25) также характеризуется термином 'вправо'. *Origo* здесь естественным образом совпадает с самим молящимся, так что поворот 'вправо' (вокруг своей оси), как и в пункте {6}, направлен по часовой стрелке. При этом данный факт не может быть аргументом для аналогичного толкования термина ἐπὶ δεξιᾶ в других ситуативных контекстах, например на пиру или при обходе алтаря.

§ 4. Итак, дифференцированный анализ употребления терминов правого и левого применительно к круговому движению в древнегреческом языке показал, что, как и в новых языках, они не могут однозначно выразить абсолютные понятия 'по часовой стрелке (по ходу солнца)' и 'против часовой стрелки (против солнца)'. При этом сохраняется относительная последовательность в пределах отдельных ситуативных контекстов. В большинстве случаев термином 'вправо' характеризуется движение против часовой стрелки, что является решительным аргументом против гипотезы о влиянии солнечного культа на соответствующие обряды и обычаи. Предпочтительность правой стороны в этих случаях правильнее объяснять превосходством правой руки.

В то же время Э. Бронлич, справедливо заметив, что в большинстве контекстов ἐπὶ δεξιᾶ выражает движение, направленное против часовой стрелки, стремилась распространить значение 'против часовой стрелки' на все случаи употребления ἐπὶ δεξιᾶ, тем самым придавая заведомо относительному термину абсолютный характер. В двух ситуативных контекстах (вращение веретена и поворот вокруг своей оси), а также, возможно, в пассаже *Leg.* 760cd, где ἐπὶ δεξιᾶ означает 'по часовой стрелке', такой подход приводит к ошибке.

Заключение

В рамках диссертационного исследования автором были изучены такие проблемы интерпретации относительных пространственных и временных терминов в гомеровском эпосе, которые имеют большое значение для истории культуры и исторической антропологии. Затронутые в диссертации вопросы, относящиеся к разным областям знания, объединяет то обстоятельство, что их обсуждение напрямую связано с толкованием пространственных терминов в их референциальном значении.

Полезным инструментом работы с такого рода дейктической лексикой оказались категории когнитивной лингвистики. Анализ античных свидетельств, проведенный традиционными методами классической филологии с опорой на терминологический аппарат когнитивной лингвистики, позволил автору критически оценить ряд культурологических концепций.

Так, рассмотрение гипотезы об ориентации древних греков и ряда других народов «в прошлое» (они будто бы представляли будущее «у себя за спиной») приводит автора к выводу, что в ее основе лежит неверное понимание пространствен-

ной модели для семантического развития ‘задний’ > ‘будущий’. В основе этого семантического развития лежит идея движения событий в одном направлении, подразумевающая не относительную, а внутреннюю систему координат. Предпринятый здесь же анализ выражения «(смотреть) πρόσω καὶ ὀπίσω», история толкования которого сыграла важную роль в распространении представления об ориентации греков «лицом в прошлое», позволяет трактовать его не во временном, а в пространственном значении (‘быть *осмотрительным*’).

Изучение роли правого и левого в античных суевериях и запутанные свидетельства о практике птицегадания также напрямую связаны с проблемами двусмысленности дейктических терминов правого и левого. Разбор свидетельств о практике птицегадания позволяет критически оценить укоренившиеся в науке представления о северной ориентации птицегадателя у Гомера и об отождествлении правой стороны и востока на уровне языка.

Наконец, серьезные проблемы в плане референциального значения связаны с семантическим выражением движения по кругу в терминах правого и левого. В XX в. утвердилось представление о влиянии солярного культа на античные обряды и обычаи, связанные с движением по кругу. Однако подробный разбор свидетельств в рамках отдельных ситуативных контекстов позволили иначе оценить роль солярного культа в повседневной жизни древних греков. Термином ‘влево’ (ἐπ’ ἀριστερά) в большинстве случаев описывалось движение по часовой стрелке (т.е. обратное ходу солнца), а термин ‘вправо’ (ἐπὶ δεξιῶ) чаще, хотя и не всегда, подразумевал движение против часовой стрелки и против хода солнца. Таким образом, предпочтительность движения ‘вправо’ в греческой традиции следует объяснять не аналогией с движением солнца, а преимуществом правой руки.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Чихание Амура у Катулла (Cat. 45, 8–9; 17–18) // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 2. С. 294–301.

2. О направлении обхода алтаря в Древней Греции (к значению греч. ἐπὶ δεξιῶ) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9*. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 163–167.

3. О выражении временных отношений у Гомера: *chthiza te kai proiza* // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Аспирантские тетради*. 2008. № 30 (67). С. 113–117.

Статьи в прочих изданиях:

4. О выражении πρόσω καὶ ὀπίσω у Гомера // *Материалы XXXIII Международной филологической конференции*. Вып. 4: Классическая филология. Методика преподавания древних языков. СПб, 2004. С. 14–16.

5. О движении солнца в терминах правого и левого (Cic. De div. I, 44–45) // *Классическая филология: Материалы секции XXXVIII международной филологической конференции (16–20 марта 2009 г., Санкт-Петербург)*. СПб., 2009. С. 11–14.